Этна

Автор:
Мастер Чэнь

Этна

Мастер Чэнь

Дегустатор #2

Мастер Чэнь (востоковед Дмитрий Косырев) – автор «Любимого ястреба дома Аббаса» и других книг про самаркандского шпиона Нанидата Маниаха, романа «Амалия и Белое видение» и прочих детективов про английскую шпионку Амалию… Средневековый Китай, арабский Восток, колониальная Малайзия… В его книгах всегда – интеллектуальный детектив и изысканное путешествие в экзотические страны.

В новом романе «Этна» («Дегустатор-2») – солнечная Сицилия! И – старый знакомый Сергей Рокотов, винный аналитик с почти невероятным для человека такой профессии прошлым. Теперь Рокотов – «итальянец»: он работает на известного винодела и живет у подножья вулкана Этна. И снова ему приходится взяться за расследование загадочного происшествия.

Мастер Чэнь

Этна

Роман публикуется с сохранением авторской пунктуации и орфографии

Автор благодарит Веру Полозкову за благосклонное согласие на использование ее стихов в романе

Кровь, полотенце, компьютер

Рев мотоциклетного мотора в ночи, уходящий, гаснущий.

И вой сирен, нервный проблеск красного и бледно-голубого в темноте: полицейские мигалки. Белеют ремни, фуражки, сапоги-краги: это карабиньери или просто полисиа?

И – за полминуты до того – невиданное зрелище: под хлопанье пропеллера в клубах серебристой пыли вверх медленно ползет качающийся конус света от прожектора. Боже ты мой, вертолет в нашей глуши. Значит, кого-то везут в больницу или…

– Умер? – спрашиваю я на своем сомнительном итальянском полицейского. Он меня, впрочем, отлично понимает и говорит, что нет ничего такого, чего бы не исправил хороший доктор, и ждать вам еще совсем немного, синьор.

А вот и пострадавшие. Да откуда такие чудовища в наших сельских краях? Черные, я не побоюсь этого слова – жирные внедорожные «кадиллаки», две штуки, абсолютно одинаковые и на вид никоим образом не местные. Я бы сказал, типично американская радость. Один стоит, уткнувшись в хвост другому. Осколки на асфальте мерно мигают то красным, то голубым. Какие-то люди размахивают руками, ходят взад-вперед.

Боже ты мой, да здесь одна машина проезжает в час – надо было уметь столкнуться… Хотя если учесть, что они, эти гиппопотамы, абсолютно одинаковы, то, допустим, было так: они ехали парой, было уже темно, передний затормозил и…

И я не могу проехать домой. Это узкая сельская дорога, пусть и асфальтированная. Она сейчас по всей ширине – предмет составления протокола. А слева обрыв, а справа скала.

– Еще немного, синьор, – успокаивает меня полицейский. – Минут десять-пятнадцать. Вы куда едете?

Ну, или это мне кажется, что он именно так говорит. Все-таки сицилийский диалект.

Я показываю: да вот сюда и еду. Всего-то осталось метров триста-четыреста. От дороги поворот вправо, проехать дополнительные сто метров к почти средневековому фасаду и черепичным скатам мощного сооружения этажа в три; попадете сюда в первый раз – и долго будете пытаться угадать: крепость? Монастырь?

Но сейчас хорошо виден только белый конус от фонаря, освещающего прорезанную в этом фасаде арку входа с дубовыми воротами и неровную, чуть волнистую стену вокруг.

Мое жилище рядом, слева от арки. Эти домики-подосиновики – двухэтажные, тоже под черепицей – выстроились цепочкой. Мой стоит первым в ряду, он один из двух, расположенных под девяносто градусов к воротам и фасаду, в итоге получается такая площадь у входа. Остальные домики идут вдоль стены того самого загадочного здания, скрываются за его углом, их отсюда не видно. Да и мой еле виден – ведь меня дома нет, а кому же там еще быть? Свет в двух окошках, соответственно, не горит.

Днем было бы видно всё: мы ведь на гребне, внизу – жара, зной, зыбкая белая дрожь там, куда уходят холмы. Сейчас – никаких холмов, лишь чернота и редкие огоньки.

На самом деле тут, почти у моего порога, раскинулся невидимый сейчас приземистый инжир с пыльными шерстистыми лапами (ничей, можно объесть до последнего плода). Чуть пониже, через тропинку, за забором – сад: апельсины, хурма, миндаль с длинными загнутыми и перекрученными листьями, в общем – еда. В первое мое лето здесь я повадился хватать с веток то, до чего мог дотянуться. Меня терпели и, видимо, смеялись. Следующим летом я стал более сдержан.

А с другой стороны мини-площади, справа от этого замечательного фасада, – автостоянка под оливами и еще одним фонарем, туда-то я и еду. Рядом с ней

часовня, она почти всегда заперта. Хотя раза два удавалось войти внутрь, подумать: я заслужил весь этот рай? Что я сделал лучше, чем прочие? И если это – рай, то что мне дадут после рая, и за какие подвиги? Потому что здесь я, видимо, все-таки не навечно.

Еще правее и выше стоянки и часовни – каменистый горный склон, бледные слоистые плиты высовываются из-под земли, повсюду корявые жилистые оливы. Я называю это место – моя Гефсиманка, сюда можно прийти и посидеть на ветерке. И даже вынести компьютер.

Полицейский в свете мигалок проверяет для порядка мои документы, кивает: местный.

Сижу, как зомби, выключив мотор. Помогаю полиции тем, что мои фары освещают какой-то участок дороги. И еще виднеется часть скрученного, морщинистого, как слоновья нога, ствола.

А это же замечательное место – стволов там на самом деле три, просто их не видно. Три огромные пинии, итальянские сосны, зонтами, хватит на целый отряд Карабасов-Барабасов.

У Карабаса, вдруг подумал я в тот момент, самое страшное – все-таки не борода, а зубы, светящиеся среди черной растительности. Много белых зубов.

Но вот и всё, вновь включаю неслышный, хорошо отрегулированный мотор и проезжаю оставшиеся триста с лишним метров. С пакетом из магазина иду справа налево, от стоянки к дому, мимо скопившейся у выхода из арки группы обитателей нашего большого хозяйства.

Виноват, как всегда, мотоциклист, объясняют они мне. Выскочил так, будто за ним гнались дикие звери, с тропы на склоне, прямо перед первым черным бегемотом. Тот затормозил, второй в него врезался, ну и вот так. Мы туда сходили, посмотрели, поговорили с полицией, но нам сказать ей было нечего. Вернулись и стоим.

А, оказывается, никто из наших никакого мотоциклиста не видел, и вообще не видели они ничего, выскочили только на звук сирен, а значит, это передний водитель утверждает, что был мотоциклист, и пусть еще докажет. На дороге же

никого, кроме «кадиллаков», нет.

Кто такие эти наши – ну, тут среди них есть всякие интересные персонажи. Например, стоит и молчит Мать Мария. Она вообще-то здесь главный энолог, то есть главный винодел, а это означает, что работает она как бешеная круглый год. Начинается ее день с дегустации, потом – анализы образцов из десятка-другого бочек, а анализам она не верит, верит своему носу. И дальше в том же духе до ночи. Мать Мария – потому что ходит даже не как монашка, а еще хуже: узелок волос на затылке, серые штаны и куртка… Хотя когда к ней приезжают муж и дети, раз в месяц, то сразу становится видно, что она вообще-то женщина, молодая, у нее даже есть грудь, и неплохая.

А вот некто Борис, главный администратор. Имя у него абсолютно британское, с ударением на первом слоге, таким наградила его мама-англичанка. А папа – своей десятиэтажной итальянской фамилией, не Сильвестрини, а что-то еще длиннее. Борис раньше работал в Тоскане, у знаменитого Риказоли, а еще он известен тем, что назвал сына так: Сира. Это вообще-то красный сорт винограда, но какой – шелковистый, пряный, перечный, изменчивый: в Италии он один (легкий), в Австралии совсем другой. И надо очень любить этот сомнительный (с моей точки зрения) сорт, чтобы назвать в честь него сына и гордо прогуливать последнего среди рядов лозы с табличкой «сира».

Мы поговорили еще, по привычке посмотрели влево и вверх – нет ли угольно-малиновых сполохов над склоном, среди облаков: нет, а жаль, многие здесь эту штуку любят. Но там, наверху, сегодня спокойно.

Вот и всё, инцидент закончен, можно о нем забыть, тащу пакет из магазина в свой домик, где начинает выясняться, что ничего не закончено.

Здесь кто-то был.

Ну и что, говорю я себе – у нас же никто не запирает двери. Заходил, меня не было, ушел, но… Но…

Сдвинут на три сантиметра стул у компьютера на втором этаже. Не так выглядят ящики гардероба, а почему не так… честное слово, эти способности приходят сами, возвращаются к тебе из забытых времен и никого не спрашивают: я просто начинаю вновь замечать вещи, которые другим не очень видны.

У меня замечательный домик. Внизу маленькая гостиная, она же кухня, еще тут есть настоящий камин (на нашем острове бывает зима, месяц или два). Наверх ведет деревянная лестница, там крошечная ванная и спальня под косой крышей. И тут же – стол и компьютер. Это немного, но мне хватает.

И в ванной нет полотенца.

Так, так, кто-то заходил, стащил полотенце – что за проблема? С другой стороны, если бы все это произошло не в тот же вечер, когда на нашей дороге ударились друг о друга очень странные, прямо скажем, для этих мест автомобили, то был бы просто пустяк. А сейчас – может, и нет.

Ребята, шутки в сторону, проходим всю комнату по часовой стрелке. Просто на всякий случай.

И уже совсем шутки в сторону, когда я извлекаю из-под кровати это свое полотенце, всё в пятнах крови. Больших пятнах. Крови было много.

А теперь ясно и то, зачем трогали гардероб. Там, в ящике, нет еще одного полотенца. И вообще его нигде нет.

Я рывком, так что пуговицы летят, выхватываю из кармана телефон:

– Джоззи! Джоззи, слышишь меня? С тобой всё в порядке, ничего не произошло? Не молчи!

– О, – говорит в трубке низкий, мягкий голос. – Ты – за меня – волнуешься. Ты переживаешь – запомни: ti rodersi il cuore. Ну, тогда я к тебе, наверное, зайду. Попозже. И со мной, конечно, всё в порядке.

Я сажусь на стул у компьютера – теперь можно и расслабиться, достать сигарету, потом проверяю нечто вроде тайника с разными банковскими штучками, с помощью которых можно запросто обчистить некоторые дорогие лично мне счета. Но тут никто не рылся. И вообще – кровавые полотенца говорят не о воровстве, а о чем-то другом.

Да, а вот это что такое? Оно мне кажется или нет?

Вот только без идиотических глюков. Потому что такого просто не может быть.

Что я вижу: на столе стоял (и стоит) ноутбук. Я его оставил открытым, и тут нет никакого скринсейвера, лень было ставить. Так что любой мог войти и увидеть ровно то, что я вижу сейчас. То есть яндексовский список результатов, которые дает поиск – очень специфический поиск. Я этот запрос посылаю в небесный эфир постоянно, минимум раз в неделю, особенно когда настроение не очень. И – иногда в обновленном виде – получаю тот самый результат. И кое-что отсюда, из результата, открываю и читаю опять и опять.

Я это и делал перед тем, как отправиться вниз, в долину, купить пару мелочей. Открыл одно окно из списка, вот оно, портрет и текст, совсем не такой плохой текст. Открыл и оставил.

А сейчас – это мне кажется или нет, что окон открыто три, причем то, где портрет, было у меня свернуто, развернут же был сам список? А третье окно – опять же из результатов поиска – его я вообще еще не открывал?

И самое смешное из всего, что язык всех этих греющих сердце текстов – русский. А где вы тут найдете русского в радиусе километров тридцати?

Так, теперь посмотрим: какое всё это имеет отношение к тому самому инциденту под тремя соснами? Допустим: кто-то из героев этого инцидента дернул ручку, открыл дверь, здесь темно, поднялся в ванну, начал что-то делать с полотенцем. Останавливать кровь. Потом стащил у меня, после легкого обыска, второе полотенце – зачем? Первого не хватило.

Это мог сделать кто-то из наших? Но тогда мне об этом сразу бы сказали.

Затем… этот человек сел за компьютер и начал не то чтобы читать, а открывать и закрывать ок-на. Чтобы, допустим, прийти в себя. Что он видит на экране, он понять, конечно, не мог.

Подождите, это же бред. Только-только человек справился с какой-то вполне серьезной раной, причем в чужой ванной, как садится за чужой компьютер и смотрит в совершенно загадочный для него иноязычный текст. Странный способ прийти в себя.

Ну, хорошо, по крайней мере у меня никто не прячется в шкафах – это я, между делом, проверил очень даже тщательно. Джоззи в порядке. Завтра мне кто-то скажет: Серджио, я у тебя был вчера, со мной приключилась одна штука, вот твое полотенце, извини.

Но я уже знал, что никто ничего такого не скажет. Потому что полотенце, засунутое под кровать, – оно означает, что мой гость надеялся, что уж сюда-то я точно еще долго не загляну. Он очень старался, чтобы я вообще ничего не заметил. Правда, стараться – не значит уметь.

А главное, что ни черта я больше не узнаю. Потому что нечего и незачем узнавать. Последний раз, когда мою жизнь можно было назвать опасной, – этот последний раз был когда? Даже не два года назад. Почти три. И очень хорошо, что так.

А сегодня – да разве это опасность? И нечего размышлять, какая связь между моим гостем и двумя столкнувшимися машинами. Это не очень интересный вопрос. Потому что тут у нас всего лишь дорожный инцидент. Как говорят на родине, ДТП.

Я забуду об этом через неделю.

Сейчас придет Джоззи, она скоро придет, и всё будет хорошо.

Рокотофф

Меня теперь зовут Рокотофф – Сергей Рокотофф. Под этой фамилией я известен как винный обозреватель с колонкой в шестнадцати – на сегодняшний день – изданиях Европы.

До сих пор не могу понять, как и почему мне так повезло.

Что касается Сергея… Еще недавно я был Серхио, теперь Серджио: абсолютно безумная история. Я до сих пор вспоминаю 2006 год, краткий отдых после неких

очень бурных событий в моей жизни. В испанском городке Бланьесе я сижу у моря и изумляюсь. Дон Мигель Торо предложил мне – мне! – работать в его хозяйстве. Лучший винодел Испании, всемирно знаменитая винная империя… Он готов платить мне за то, что я больше всего люблю делать: писать о вине. Скольким людям выпадает такое счастье в жизни?

И вот я сижу у моря, размышляю: что же это со мной произошло дома, выиграл я свою войну или проиграл; то ли я лишился всего, то ли всё приобрел. Думаю о том, как вернусь сейчас в Москву, проверю – не забыл ли я включенным газ в своей тихой и пустой квартире на Трифоновской, где все еще висят на вешалках блузки той, которая сюда никогда не войдет… Потом лето кончится, по всей Европе будет урожай (а в такие дни ни один винодел не отвлекается на дела, к урожаю отношения не имеющие), а после урожая, допустим – просто допустим – я соглашусь на это замечательное предложение и начну снова оформлять себе визу. Обратно в Испанию, в Барселону, и дальше на холмы Пенедеса.

Или не начну? Чего я на самом деле хочу? И почему бы не сделать раз в жизни именно то, чего я хочу…

И я достаю телефон и звоню дону Мигелю: а как насчет того, чтобы выйти к вам на работу завтра?

Ответом мне был тихий смех и слова: «Вы умеете быстро и хорошо думать».

* * *

И мог ли я представить, что уже зимой, через несколько месяцев, в гостиной дома дона Мигеля произойдет удивительная сцена.

– Вот тот человек, который умеет делать со словами что-то странное, мысленно переводя их в основном с португальского, – сказал дон Мигель, обращаясь к своему гостю.

Насчет португальского – все правда. К тому моменту я, на испанской земле, почти перестав общаться на русском, окончательно обнаглел по части английского, которого раньше боялся. Ну, а испанский после португальского, который я действительно знаю, – тоже, в общем, не такая проблема. Проблема –

это когда все языки начинают перемешиваться.

– А это, – обратился ко мне дон Мигель, характерно опуская углы рта, – мой старый и добрый друг. Пьетро. Собственно, граф Пьетро.

– Из «Пьетро дель Куоре»? – обрадовался я.

Увидеть здесь, у дона Мигеля, хозяина одного из самых знаменитых винных домов Италии было никоим образом не удивительно. Я за эти месяцы кого только тут не видел, оставалось дождаться, когда же заедет король этой замечательной страны (они с хозяином дружат). И дон Мигель с радостью меня со всеми знакомил и читал потом в моих колонках то одну, то другую фразу из последовавших бесед. Ему это нравилось.

А тут… Передо мной сидел человек совсем не молодой, но бесспорно сильный во всех смыслах: слово «бочонок» тут не совсем подходит, потому что плечи у него куда шире, чем талия. А еще я наблюдал со вкусом исполненный этюд в черно-белых аскетических тонах. Светлая кожа, абсолютно черные зачесанные назад волнистые волосы с двумя длинными белыми прядями на висках. И брови – четкие, роскошные, выразительные брови над черными глазами и горбатым носом. И ослепительно белая рубашка подчеркнутой простоты.

– Граф Пьетро хочет сделать вам предложение, – как бы между прочим заметил дон Мигель.

Что ж, пусть делает. Наверное, ему надо, чтобы я что-то написал.

Тут я заметил не только то, что в гостиной довольно холодно – в конце концов, то был январь или февраль, – а неуютно, дон Мигель смотрит на меня как-то странно, а граф все время молчит…

Предложение же его состояло в том, чтобы я переселился к нему на «Пьетро дель Куоре» уже этой весной.

– Но я работаю на вас, – повернул я замерзшее лицо к великому человеку по имени Торо.

И вдруг понял, что происходит. Я не футболист, но меня попросту продают. Что за сделка и сколько за меня дали, деньги это или не совсем – не скажут. А если не дали ничего? Обидно, да?

А вдруг это проверка лояльности?

– Тут такая история, – укоризненно покивал дон Мигель. – Вы ведь слышали о вулканическом вине? Пьетро… ну, я зову его по имени – Джорджио, задумал одну замечательную штуку. Джорджио – он такой, как я. Он десять лет ходил кругами вокруг двух очень интересных участков земли на склоне Этны. Они прямо над его хозяйством. И еще десять лет, наверное, готовил полученный наконец виноградник. Уникальный терруар. И сорт, который так хорошо растет на вулканических почвах. Чисто местный. Не-рел-ло мас-ка-лезе… Слышишь, Джорджио, я это выучил. Вино будет готово через год с лишним. Весной восьмого года. И тогда придется начинать всякую интересную работу, письменную и прочую. М-да?

Оба следили за моим лицом, и я знал, что от этих людей не скроешься – ну, не закрывать же его руками. Они всё видели.

Вулканическое вино. Сицилийское бароло – так они его называли? Да ведь это уже сейчас легенда.

Черные глаза графа весело блестели.

Я повернулся к дону Мигелю, выпрямился и застыл в молчании.

– Ну, я отвечу, – сказал он, наконец. – Нет, Серхио, я вас не прогоняю. Я о вас сейчас даже лучшего мнения, чем полгода назад. И да, ваша работа у меня гарантирована по крайней мере до следующего Рождества. И, видимо, дальше. Ваша поездка в мои владения в Чили – если останетесь, то будет, и не одна. То, что мне очень нравится, что вы, сидя тут у меня, стали довольно-таки заметной фигурой европейского масштаба – так оно и будет нравиться. А про наш с вами португальский проект и говорить нечего, вы там будете как рыба в воде. То есть я вами очень даже доволен. Но представьте, к вам подобрался бы этот сицилиец и сделал предложение, от которого нельзя отказаться, за моей спиной. И вы бы… Да?

Да нет же, я бы отказался. Но – хотя бы присутствовать при рождении уникального вина… Просто съездить туда и оказаться первым из внешнего мира…

– Ну, и все условия вашего контракта там будут ровно те же, что и здесь. То есть в свободное время, не в дни урожая, вы можете ездить куда хотите, писать, что вам взбредет в голову. И с тем же обязательством, что у меня: ни слова о том хозяйстве, где вы работаете, и его винах. Ни хорошего слова, ни плохого. По очевидным причинам. Кстати, если вы спросите меня, в чем мой выигрыш от этой истории, то я скажу: мне было веселее, когда вы все-таки писали о моих винах то, что думали. Вы делаете со словами…

Он щелкнул пальцами.

А граф всё молчал, голос его я услышал позже, когда мы пошли вдоль лишенной листьев лозы вниз с холма, говоря ни о чем. Но я знал, что он видел мое лицо, когда речь шла о вине с Этны. Оно всё сказало.

И я перестал размышлять о том, до чего я дожил – продали, как скотину.

В конце апреля я приехал на Сицилию.

И увидел – из окна автомобиля – внизу слева, между гор, чашу из нежно-зеленых холмов, клонящихся туда и сюда, и каждый будто причесан гребенкой. Лоза, как будто я ниоткуда не улетал. Она сейчас как раз цветет: цветущая лоза – это красиво, это зелененькие пушистики с бордовыми точками. Потом на месте точек надуваются плотные шарики, это уже будет виноград. А осенние виноградники – по цвету они вроде черепичных крыш или поляны, сплошь заросшей подосиновиками. И я это буду снова видеть. Каждый день.

Далее, как-то неожиданно, возникла стоящая на холме та самая не совсем крепость, а как бы целый квартал под старой черепицей, в фасаде которого прорезана арка, туннель с четырехметровыми дубовыми воротами.

– Ла кантина, – сказал мне водитель с гордостью.

Внутри этого квартала – двор со старым деревом, стены увиты диким виноградом и вьюнком с невозможно синими цветами. Я постоял там, и меня повели обратно в ворота.

– Ваш дом, – указали мне на первую из ряда старых каменных двухэтажных хижин, лепящихся снаружи северной стены. – А вот это… Наша гордость. Да, наверху.

Я поднял голову. Обширное сооружение, все-таки похожее на крепость, стоит на холме над зеленой долиной-чашей, сзади у него – горный склон, мягко уходящий вверх.

А еще выше висит странное, снежных оттенков одинокое облако среди чистого вечернего неба.

Я вышел из своего домика – великолепного домика – часа через полтора, разложив вещи. И увидел – не может быть – россыпь искр в вышине в середине того же, уже почти невидимого в темноте облака. Искры без звука взлетали оранжевыми гроздьями вверх и растворялись во мраке.

Я часа три назад пытался рассмотреть с самолета, сквозь облака – где же эта знаменитая Этна. А тут уже не надо рассматривать. Она здесь. Я на ней теперь живу, на полпути к вершине.

– Вам повезло! – сообщила мне на почти хорошем английском какая-то девица, пришедшая сказать, что мне в честь приезда приготовили ужин. – У нас сегодня как раз извержение. Даже немножечко лавы. Давно не было.

В ее голосе звучала гордость.

Я посмотрел на нее с удивлением.

* * *

Дальше выяснилось, что работать каждый день я буду вовсе не с графом Джорджио. Да, в нашей крепости у него были свои комнаты над самой входной аркой. И мы все знали: вон там – окно графа, и в один прекрасный день он может

из него выглянуть. А еще в правом, южном крыле – громадный, от земли до крыши, зал, бывшее зернохранилище, а сейчас графская библиотека с камином. И он там иногда сидит в уголке с компьютером; но так или иначе, до сей поры я видел графа в нашей крепости только раз (хотя он, кажется, приезжал чаще).

Кантина «Пьетро дель Куоре» непосредственно управляется младшим сыном графа, Альфредо. У него тоже квартира над аркой. Есть старший брат Энрике, он занимается продажами, финансами и многим другим, и это точная копия Джорджио. Черноволосый и бровастый. И он будет графом. Но Энрике тут, как и отец, не живет, их дом (и офис) в Палермо.

А Альфредо – нечто совсем другое. В детстве он был, видимо, ангелом – светловолосым и голубоглазым. Потом из ангела стал автогонщиком, и довольно известным; кстати, гонщиком был и его отец граф Джорджио, в те времена, когда автомобили еще не были похожи на космические корабли. А потом оказалось, что больше Альфредо не гонщик, вдобавок – он уже почти не живет в своей квартире в Риме (семья, и довольно многочисленная, постоянно посещает его в нашей крепости). Он теперь очень, очень грамотный менеджер винного хозяйства. И не только менеджер, а хозяин. Хозяин – это человек, на которого работают профессиональные энологи, но он может взять виноградный лист в руку и по шуршанию узнать, хватает ему влаги или нет.

Похож хрупкий Альфредо, с его волнистыми светлыми волосами, все еще несколько детским лицом и сладко прижмуренными глазами, на счастливого, весьма подвижного и активного кота. Одет он как и все мы, летом – в какие-то тонкие рубашки, шорты и прочее, а на ногах у него замшевые туфли или тапочки, иногда вконец измочаленные. Он передвигается в них по двору и цехам беззвучно, на мягких лапах.

Вот он-то меня и встретил под громадным деревом в центре двора следующим утром, глядя на меня весело, ласково, даже с какой-то робостью (я ведь его немного старше), и устроил мне игру в угадайку.

Игра касалась автомобиля, но – поскольку я упомянул про единственный раз, когда видел в наших местах графа, – об этом стоит рассказать, пока не забыл.

Было так: мирным вечером наш любимец, персикового цвета лабрадор (шерсть в тон стенам), лежавший до того пузом на камнях, вдруг вскочил и начал

прятаться за наши ноги. И в ворота ворвались псы – драные псы, лохматые псы черно-белого окраса, злые охотничьи сеттеры; обежали весь двор по кругу, загнали нашего персикового друга в угол напрочь, спугнули двух местных котов (они взобрались по побегам дикого винограда и зависли на уровне второго этажа).

А за ними через ворота во двор начали заезжать… автомобили.

Этого не могло быть, потому что такое здесь запрещено. Автомобилям место на стоянке, во двор люди входят пешком, двор – памятник истории, живая картина, здесь не бывает запаха бензина или, того хуже, пятен масла.

Из машин начали вываливаться дедушки с ружьями. В каких-то позорных майках, с усами, носами, не все бритые и все очевидно выпивши.

Один из них был – как я потом понял – граф, неузнаваемый в майке и всем прочем, но ведь до того я видел его только раз. Остальные были его друзья из Палермо, возможно – тоже с титулами, они приехали пострелять утром в холмах птичек.

Все мы в этот момент смотрели на Альфредо – как он прижимает руки к груди, умоляя отца, и почти без надежды пытается выгнать оккупантов со двора. Правда, ему это удалось, машины, недовольно фырча, уехали на стоянку, дедушки поднялись к графу наверх еще выпить, псов загнали в какую-то конюшню. Альфредо постепенно пришел в себя.

И я тоже. Дело в том, что когда вы на Сицилии, особенно в сельской местности…

Собственно, в любой местности здесь вы хорошо знаете, как выглядит мафия. Изображение ее типичного представителя вы можете купить в виде аппликации на майку и носить его на своей груди. Сицилийский мафиозо – он обязан быть точно таким, как эти дедушки. С уточнениями в виде большого рыхлого носа и кепки. В общем, человек из народа. Который в случае чего просовывает два ствола кому-то в окно и засыпает дробью всю комнату, а намек такого рода сложно не понять.

И когда группа точно таких дедушек с ружьями врывается к вам во двор, последнее, о чем вы думаете, – кто из этой оравы граф.

А автомобиль…

Это была забавная история. Итак, в то утро Альфредо, улыбаясь мне нежнейшим образом, предложил выбрать: в правой руке или в левой?

– В любой, – сказал я, – если эта машина – белая.

– Ах, вы любите белые машины, – покачал головой Альфредо, опуская руки. – Ну, тогда вам повезло. Потому что это – «мерседес». Правда, я все равно бы вам именно его и отдал… И он именно белый.

Я не верил в добро, хорошо зная, на каких развалинах ездят по виноградникам, помня, что за полуживой «сеат» был у меня в Испании. И правильно делал, что не верил.

Потому что это, конечно, был именно «мерседес», но сто восьмидесятый с буквой «А» – чуть скошенный впереди кубик на колесах. И более-менее белый. Но довести машину до такого состояния…

Правда, могло быть хуже, куда хуже. Допустим, легендарный «фиат чинкуэ ченто», то есть пятисотый, года этак тысяча девятьсот семидесятого. Это даже не жук, а клоп. Но он существует. Некоторые работники нашей кантины, а также почти все крестьяне из сёл внизу, вот на таком ужасе и ездят, и ничто его не берет.

Своего белого инвалида я отвез, с кашлем и завыванием мотора, к некоему Фабио, важному человеку в деревне. Не в той деревне, где живут сборщики урожая, а в другой, нашем как бы культурном центре. Он обрадовался этой машине без памяти:

– Я ждал! Когда же я снова ее увижу! И вот она!

Собственно, это сейчас я понимаю, что Фабио сказал примерно это. А тогда я с ужасом обнаружил, что попал в страну, где не то чтобы никто не говорит по-английски, а никто особо и не пытается. Итальянцы ребята вот какие: если они видят, что человек не знает их языка, то просто-напросто начинают говорить на нем очень медленно и раздельно, помогая себе руками. И, как ни странно,

нужного эффекта добиваются: их начинаешь понимать.

Фабио – не то чтобы лучший автомеханик в этих местах, а единственный. С моторами у него бывают проблемы, но он тогда просто везет твою машину вниз, с гор, на большое приморское шоссе, ведущее в Таормину (влево) и Катанию (вправо). Там с кем-то в каких-то мастерских договаривается, а клиент потом платит за всё сразу.

Но Фабио умеет и любит красить машины заново, да хоть вручную, и с моим «мерседесом», видимо, убитым кем-то из кантины до меня, это и произошло.

Кстати, платил я за всё из своего кармана.

Альфредо посмотрел на результат, поинтересовался подробностями и удовлетворенно кивнул. Видимо, я прошел какое-то испытание.

* * *

Испытаний было еще много. Самое сложное из них – как-то извернуться между фактически двумя работами.

Конечно, семейству Пьетро приятно, что у них живет вполне уже известный винный обозреватель, человек, чье мнение имеет значение. Но помогать в этой работе мне никто не собирался, я сам вертелся в мрачных глубинах интернета, как мог. Есть, конечно, одна простая и хорошая вещь – синдицированная колонка. Та, которая одновременно выходит в нескольких, или нескольких десятках, или сотен, изданий. Но это раньше было хорошо, когда все газеты континента выходили одновременно утром, а какая может быть синдицированность в эпоху интернета? Тут все контракты отдельные.

И всё же я научился лавировать между гастрономическим изданием в Дании и немецким Wein Gourmet, и… Главное – чтобы читатели не натыкались на один и тот же текст. Всего получалось не более двух с нуля написанных колонок в неделю, но вы попробуйте, живите так, чтобы темы всегда находились. А еще есть проблема языка. Хорошо, что датчане без звука переводят меня с моего странного англо-португальского и всем довольны. Но в настоящий англоязычный мир я даже не заглядываю, а французы признают только французов…

Что касается источников вдохновения, то винный мир полон соблазнов; в этом году 15 и 16 мая, например, я мог бы быть в Цюрихе, на знаменитой уже слепой дегустации, учиненной чилийцем Эдуардо Чедвиком. Его идея была: отгадают ли эксперты, европейское это вино или Новый Свет? И вот вам два рислинга – немецкий и из калифорнийской Напы. Или загадочное красное, оказавшееся родом из Южной Дакоты. И ведь тема более чем моя, но… не судьба.

Чедвик, впрочем, это из серии неожиданных событий. А еще есть ожидаемые события, фактически обязательные для любого человека моей профессии. ProWein в Дюссельдорфе, Vinitaly в Вероне – туда, правда, меня посылал и Альфредо; но еще и хаотическая ярмарка тщеславия в Бордо, где непонятно, что делать… и, для тех, кто любит открывать новое, – Vinisud в Монпелье, в конце февраля. Монпелье – это вызов прочим ярмаркам, здесь малоизвестные вина юга Италии, Португалии, неизвестная Испания и всякие Марокко, Тунис, Израиль, Греция. В общем, рай для меня. Потому что я об этом как раз и пишу постоянно, о неочевидном, о миллионах открытий, которые несет винный мир.

Да, а 20 мая – еще Лондонская ярмарка. И это тоже серьезно.

Тут всегда стоит вопрос: а кто за меня будет платить? Чаще всего никто. То есть я сам. Это дисциплинирует.

В России я был одним из двух… ну, трех-четырех авторов, чье слово что-то значило. Но тут не Россия, тут таких, как я, сотни. Хорошо, наверное, быть звездой, как Эрик Азимов, винный обозреватель «Нью-Йорк таймс». Но что-то мне подсказывает, что Америка обойдется без меня.

А есть случаи, когда радуешься, что ты не такая уж звезда. Речь о первом и лучшем из винных обозревателей Китая. Он женщина. Может, даже девушка. И ее фамилия, извините, Хуй, Эмили Хуй. Это правда. Она китаянка, у них это нормально. Но я бы не хотел ее славы с приложением такой фамилии.

А вот чего я давно хотел, так это с ней познакомиться. Чтобы потом похвастаться – кому? Я не так часто говорю с соотечественниками. Более того, я с ними почти не вижусь. То есть меня здесь знают – есть здоровенная община русских трудяг, в основном из туристического бизнеса, в Катании. Куда более возвышенная публика из числа наших обитает в Палермо. И все они слышали, что один наш человек живет на склоне вулкана. Что-то вроде гуру или святого

отшельника. А кто-то меня даже видел.

Но, возвращаясь к китайской девушке Эмили, я так ее и не повстречал. Потому что этот винный писатель, или писательница, – главная звезда винной ярмарки в Бордо. В Бордо, вообще-то, уже года два как основные покупатели – это китайцы. На каждом стенде стоит табличка «мы говорим по-китайски». Ну, а Эмили – конечно, она нарасхват. Остается лишь слышать неуверенное: только что здесь была. И слабо взывать ей вслед – нет, не то слово, что вы подумали, а примерно так: Мисюсь, где ты?

* * *

Я знаю, что Альфредо не без радости встречает гордое имя «Рокотофф» во всяческой специализированной литературе. Но правила игры тут такие: мне платят не за это. Пишешь, когда есть свободное время от основной работы. Вот за нее – платят.

А она, работа, оказалась довольно неожиданной. Буклеты и прочие печатные материалы самой «Пьетро дель Куоре» – понятно, но это пустяки. Главной же моей работой считается «индустрия гостеприимства». Более того, я, приехав, оказался в самом эпицентре семейного спора: нужна эта индустрия или нет, а если нужна, то какая?

Вы думаете – это просто: русских или португальских гостей сопровождаю я (все время, пока они в хозяйстве). Итальянцев пасет, кто бы вы думали, Джоззи. Природных англосаксов – полуангличанин Борис. Приехали – уехали… Между прочим, из каких-то обрывков разговора, особенно если приезжают профессионалы винной индустрии, можно сделать колонку.

Но всё не так просто. Речь идет о деньгах и чем-то более важном – традициях.

Деньги – а вы представьте себе, сколько людей мечтает о поездке на виноградники. Это называется – экотуризм, или энотуризм. В конце-то концов, виноград – это ягода жизни Европы, один из корней ее цивилизации, наряду с хлебом и оливковым маслом, но по числу историй и бесконечности ароматов виноград куда интереснее.

И если в Америке, с ее Калифорнией и прочими винными местами, в прошлом году на виноградниках и в винодельнях побывали 27,3 миллиона туристов; если здесь, в Италии, в Банфи, скажем, построили в их кантине более чем пятизвездный отель (и как они еще успевают делать вино?)… Если даже заносчивые лягуши с их Бордо только что приняли программу превращения великих шато в туристическую Мекку… То куда же нам, сицилийцам, деваться от этой неизбежности?

Сначала на меня, конечно, возлагались основные надежды по части русских туристов, но как раз в это время на многих винных ярмарках стало заметно, что если сегодняшняя винно-покупающая сверхдержава – это Китай, то завтрашняя – кто? А вот вам: что-то много на этих самых ярмарках стало бразильцев. И они вдобавок поехали по виноградникам. А Бразилия – это португальский язык, то есть я.

Что касается русских туристов, то я постарался вежливо обозначить для Альфредо все опасности. Он, гордившийся парой поездок в Москву, мне не поверил. Первая делегация в нашу кантину была из московской школы сомелье, и всё прошло хорошо, я встретил пару старых знакомых… Вторая была та, что мной в ужасе и ожидалась.

Штука в том, что за два с лишним года моей жизни на виноградниках я забыл, что такое пьянь (хотя ненависть к таковой осталась). Не только те, кто делает вино, но и те, кто живет в винодельческих странах, где вино было уже за сколько-то столетий до нашей эры, – они все понятия не имеют, что такое пьянство и алкоголизм.

Короче говоря, приехали наши «винные туристы» в только что отремонтированную бывшую конюшню, превращенную в двухуровневый гостиничный номер.

– Вы оказались правы, – сказал мне Альфредо после того, как этот двухдневный кошмар был закончен.

И нехорошо улыбнулся. Я с удивлением понял, что он почему-то доволен.

Вот когда я узнал, по крупице, насчет того самого семейного спора.

Дело в том, что покойный ныне граф Пьетро – отец Джорджио – был персонажем очень сицилийским, то есть консервативным до крайности. И представить себе, чтобы он, три десятилетия назад, пускал туристов в свое винное хозяйство, было невозможно. Это ведь его дом, пусть не единственный.

А чернобровый граф Джорджио как раз человек очень современный. Он даже прославился подлянкой, подстроенной отцу где-то в шестидесятые: Пьетро твердо знал, что на его виноградниках, как и встарь, растут лишь местные сорта – красный неро д’авола и белая инзолия. И тут его сын Джорджио приносит ему бутылку отличного шардонне. «Кто это сделал?» – удивился отец. «Вы», – ответил ему Джорджио, который уже несколько лет как втихую экспериментировал с французским шардонне на дальних склонах. Отец после этого не выходил из своих комнат неделю…

Но штука в том, что некоторые фамильные особенности повторяются через поколение. Альфредо не совсем похож на отца – и он точно такой же, как его дед. Как я постепенно понял, он абсолютно не желал, чтобы в его любимой кантине топталась толпа кого угодно. Ему не нужно было никаких миллионов, если от этого необратимо изменится его нынешний дом.

Семья спорила. И спорила опять. Я не знал подробностей, но что-то чувствовал.

И тут произошла – уже при мне – занятная история.

Зимой в деревне крестьяне обнаружили двух рюкзачников, немытых, с дредами, страшных, они заблудились в наших холмах и пугали мужиков криками «где Пьетро?». Мужики привезли их к нам на своих «фиатах», мы бедняг отогрели, накормили, отмыли и уложили спать в одной комнате и на одной кровати (им уже было все равно, да и не имелось у нас тогда других комнат). Денег никаких тут, понятно, не ожидалось, но не погибать же людям.

А поутру они проснулись, один вытащил из глубин драного рюкзака золотую кредитную карточку и купил две коробки совершенно фантастического «Россо дель Пьетро» великого урожая 1997 года и еще пару коробок таких же коллекционных сокровищ. С доставкой на борт его яхты в Палермо.

Теперь уже, видимо, граф ехидно улыбнулся. Альфредо задумался.

И через три недели сообщил мне о семейном решении:

– Серджио, вы победили. Да, я знаю, чего вы на самом деле хотели. Того же, что и я. Сюда мы будем пускать только посвященных, из винного мира. Для чего переоборудуем еще три комнаты. Брать будем за комнату триста пятьдесят евро в сутки.

Я нервно моргнул.

– Да-да… Триста пятьдесят. Или, с кого-то, ничего. А чтобы не отстать от ветра времени, мы начинаем строительство бутикового отеля под боком у нашего третьего винного хозяйства, на Капомарко на Эолийских островах. И там будет гораздо дороже.

Я опять моргнул.

– Но заниматься гостями там будете не вы. Вы нужны здесь.

И Альфредо, блеснув глазами, пошел в погреб, где как раз намечалось очередное мытье бочек и перелив вина.

* * *

А еще всё это время в уголке погреба тихо лежало в громадных традиционных ботти вулканическое вино с Этны. Вино любит тишину, хотя в Чили есть такой великий человек по фамилии Монтес, который на полном серьезе заставляет бочки слушать Моцарта. Вину, может быть, и все равно, главное – чтобы публика знала.

Было заранее известно, что у этого вина очень простое имя – «Этна». И что когда-нибудь мы все-таки его попробуем.

День наступил. Международные премьеры ждали впереди, а сейчас в дегустационном подвале под главным, привратным корпусом кантины собрались только свои.

Вообще-то в широком смысле слова здешняя большая семья Пьетро с учетом крестьян, сборщиков урожая, они же подвязывальщики лозы и прочая и прочая – это сто шестьдесят человек. А совсем свои – это человек тридцать, в основном те, кто здесь постоянно живет и работает круглый год, такие, как я. В деревне дегустацию потом тоже устроили, но самыми первыми были мы, обитатели крепости.

Весной в подвале особенно прохладно, но не только поэтому многих людей трясло – я помню это паркинсоновское позвякивание бутылок о бокалы, рядочками выстроенные на дубовом рыцарском столе. И помню нервные голоса – кто-то говорил почти шепотом и не мог остановиться, вспыхивал неестественный смех. Вот сейчас Альфредо с помощниками закончат разливать…

Но тут аромат «Этна ди Пьетро» – да, название уже затвердили полностью – стал долетать до тех, кто был в первых рядах. И люди собрались, сосредоточились: пришел день настоящей работы, и какой день!

Я помню это ощущение: горький шок после того, как первый глоток остался позади. Мысль у меня была такая: и это всё? Я ради этого сюда приехал?

А потом я пожал плечами. Ну, когда ты в Италии и когда думаешь о великом красном, то в голову приходит нечто вроде «Таурази» из альянико – железный кулак в бархатной перчатке.

Но ведь я не раз уже слышал эти слова применительно к будущему вину: «сицилийское бароло». А бароло после долгой выдержки как раз бывает нежным, на одних полутонах. И по вкусу совершенно не черным. А в том числе чуть не брусничным.

Что касается цвета, то вино с вулкана было не совсем красным – оно получилось полупрозрач-ное, темно-розовое, со странными искрами как черные дыры в этом цветовом пространстве, и напоминало скорее сок не совсем созревшего граната.

Самым же удивительным после вот этой очевидной глазу легкости был удар танинов по корням языка, который ты переживаешь ровно 5 секунд, после чего… После чего у тебя во рту опять нежное, воздушное, легкое, фруктовое вино; фрукты – да, да, это скорее клубника. Слово, надо срочно подобрать слово для

этого эффекта: убегающие, ускользающие, мимолетные танины? А такое вообще бывает?

Еще через секунду ты начинаешь понимать: у этого вина странный финиш. Копченый? Пепельный? Этот оттенок появляется и исчезает мгновенно, как быстрый укус. Причем происходит это как бы на уровне подсознания: а был ли вообще этот мгновенный намек на дым, или он только снится?

Что же я сейчас пробовал? И чего, дурак, ждал? Да ведь это урожай прошлого года, такое вино и не может показать даже четверти своей силы и красоты. Я ведь это знал много лет. Потом будет работа по достигнутому результату, в следующем году они всё сделают чуть-чуть по-другому… Далее пройдет еще пара лет, вино покажет, как оно ведет себя при выдержке, начнутся новые корректировки. В общем, еще годы и годы. А тут – только обещание.

Но это прекрасное обещание, здесь никоим образом не легкое вино, оно полно загадок и – я отчетливо подумал в тот момент – угроз. Это будущее, но какое?

Я обводил взглядом лица. Да, здесь есть люди, которые пробовали это вино снова и снова, набирая его из бочки с помощью стеклянной трубки, они всё давно знают, но прочие… Многие, наверное, тоже ждали тяжелого и сладкого на корнях языка красного, такого, чьим танинам еще смягчаться и смягчаться, ждали взрыва ароматов… Но не этого еле слышного голоса одинокой скрипки, который еще не скоро будет поддержан всем оркестром.

И уже только через пару месяцев я узнал, что – естественно! – мы были не первыми дегустаторами «Этны». Первым был граф Джорджио, иначе и не могло случиться. Альфредо поехал к нему через весь остров в Палермо с несколькими бутылками в портфеле, еще присутствовал старший брат – Энрике, и, кажется, всё. Запирались ли они на ключ? Возможно.

И наверняка молчание длилось очень долго.

– Ну, что ж, – проговорил, наконец, граф. – Это вино.

И в общем ничего больше в тот момент сказать было и невозможно. Хотя могло получиться и по-другому. Хуже.

А так – граф все же позволил Альфредо провести вот эту дегустацию в нашем подвале. Выпустить вино за пределы семьи, в огромный и прекрасный мир.

* * *

И вулкан, вулкан как часть ежедневной реальности.

– Когда я каждое утро смотрю вон туда, где вершина, – сказал мне однажды Альфредо (которому я чем-то интересен – он постоянно ко мне присматривается и не может понять, что же перед ним за зверь), – то я думаю об одном великом русском. Или о двух, я их постоянно путаю. Кто это сказал, что если в первом действии на стене висит ружье, то в последнем оно обязательно должно выстрелить? Чехов или Станиславский?

– Все-таки, кажется, Чехов, – проговорил я не очень уверенно.

– Отлично, – удовлетворенно кивнул Альфредо и повернул голову туда, где из-за вершин каштанов выплывало что-то вроде облака. Дым Этны.

* * *

Так это начиналось, так это продолжалось, и все мои дни на виноградниках были мирными, без каких-либо потрясений. Да и тут – ну, что за проблема, подумал я. Вот тогда, в 2005-м, – там было убийство, и я все-таки нашел убийцу, другое дело – наказывать его было поздно. Его уже, как выяснилось, наказали. Те, кто его послал убивать.

То была история, связанная с масштабной финансовой… нет, даже не аферой, всё было почти законно, но – большой пакостью, когда шли по людям, по судьбам, по правилам и законам лучшей из профессий. И я в этой истории все-таки разобрался, хотя тогда меня и опередили. В итоге же я лишился того, что было моей жизнью.

А тут – да это же смешно. Никаких убийств. Да, неизвестный человек воспользовался моей ванной, оставил мне кровавое полотенце и увел еще одно, но пусть это будет моей самой большой неприятностью. Он же убрался из моего

дома своим ходом, значит – жив…

Если только это не Джоззи. Если это не ее кровь.

И тут, пока я продолжаю об этом размышлять, появляется Джоззи. Она входит и требует гладить ее по голой спине. Я спрашиваю – не ранена ли она. Джоззи смеется. Я предлагаю изучить каждую клеточку ее тела, чтобы проверить – нет ли там все-таки ран. И Джоззи с большим удовольствием позволяет мне это сделать.

Ран у нее не обнаруживается.

Бензин, граппа, тряпочка, скотч

В ночь, когда хлопали лопасти вертолета и завывали сирены – то была пятница, а на следующий день я поехал в Таормину. Один, потому что Джоззи не смогла: индустрия гостеприимства подмяла ее под себя.

У меня не один дом, а почти что два. Второй – в Таормине, в «Атлантиде» у Лазурного грота, где даже в плохой день можно сидеть на балконе и смотреть на невероятную, ненастоящую зеленоватую голубизну у ног – и на далекий почти вертикальный обрыв по ту сторону бухты.

Этот обрыв косо исчерчен дорогами – две ведущие вверх, к шоссе, и повыше само шоссе. Ла страда.

День: сбегающие вниз по склону бежево-седые скалы, пятна зелени как лишайник. Нескончаемые игрушечные разноцветные машины мелькают под почти вертикальной стеной вправо-влево. Ночь: чиркают бледные конусы света фар во мраке, бегут гусеницами красные и белые огни.

Это движение беспокоит. Куда они спешат? И почему бы мне не оторвать глаза от этой каменной стены, увенчанной поверху скалой, как гребешок на шлеме римского воина? Почему бы не перевести взгляд вниз, на бухту и мелко дрожащую воду? Но снова и снова хочется смотреть на эту вечно живую ла

страду.

Меня здесь, в «Атлантиде», давно знают (и Джоззи тоже). В конце-то концов, наше хозяйство – в моем лице – помогает им составлять и пополнять винную карту, и далеко не только из своей линейки, а из остальной Италии и всяческой Испании и прочих. И поэтому у меня как бы уже своя комната в отеле, на четвертом этаже, с относительно большим балконом и совсем не за ту цену, что прочим (здесь вообще-то пять звезд, и это недешево). Бываю тут минимум раз в две недели. Ко мне привыкли. Я даже не считаюсь русским, или по крайней мере я не из тех русских, которые тут, похоже, оккупировали половину пляжей острова. Я сицилиец.

Русские – народ своеобразный. Друг друга приветствовать за пределами родины не спешат, затем, что ли, ехали? Но постепенно – присмотревшись – могут. Вот и я совершенно не спешу ходить вдоль рядов загорающих и извещать их: свой я, свой. Тем более что они уедут, приедут новые, а я останусь.

Вот я лежу на пластиковом шезлонге, укрытом полотенцем, у самой воды; песка в этой части острова нет фактически нигде, только галька, зато есть аккуратный дощатый помост и зонтики (пять все же звезд).

У меня слева – парочка; вот весьма эффектный мужчина, цезарианский профиль – переносицы нет, нос начинается выступом вперед прямо от лба, линия его после горбинки идет резко вниз и еще чуть надламывается у самого кончика: лезвие топора. Седые мокрые волосы, бесконечно радостная и чуть ядовитая улыбка, серьга в ухе, и рука, протянутая к бедру лежащего рядом молодого человека. В общем, совсем не итальянец, а ярко выраженный голландский пидор. Даже если он, скажем, немец.

Я со своим конским хвостиком светлых волос тоже, наверное, вписываюсь в картину, но хоть сережки в ухе нет.

А справа… а как вы думали. Огромная наполеонистая шляпа с заломленным краем (это модно), черные очки в радужной оправе – да, да, это дама – и толстое пузо. Такое же пузо у чуть озабоченного мужика рядом, он смотрит в свой мобильник и тыкает его, будто наказывая. Потом все же подносит к уху: «Алё, пацан, я в Таормине».

И тоненький голос от лесенки, ведущей с нашего помоста в теплую воду бухты: «Мама, меня стреканули».

Стреканули – это у нас какой диалект? Тамбовский? А вообще надо бы поплавать и заодно порезать молодецкими ударами руки этих медуз. Хватит им тут веселиться и стрекать… хм-м… в общем, обижать детей, все равно через месяц, в октябре, купание заканчивается.

Но плавать лень, я смотрю через темные очки на чаек; они кричат так, что не поверишь, что это птицы. Чайки колесом кружатся над водой, чиркают по ней, как гидропланы, триумфально взмывают с повисшей серебряной змейкой в клюве. Полный восторг даже для рыбы – я лечу!

В общем, я здорово устал. Сейчас все же пойду купаться, пусть только прекратится набег на нашу замечательную бухту яхт с музыкой, вон, вон их отсюда. Выстроились в рядочек, соревнуясь в надписях по изогнутым бокам: Isola Bella, Escursioni, Groto Azzuro – «гротто» это и есть мы. Сюда постоянно привозят народ с других пляжей. И выясняют отношения – у кого музыка громче.

Чуть подальше на мягкой волне замерла уже куда более серьезная яхта о двух мачтах, и благодаря ей, точнее – время от времени пристающей к берегу ее шлюпке, у меня как раз вчера, в субботу, до событий под тремя соснами, был замечательный эпизод.

Со шлюпки сошел на наш помост прекрасный человек Василий Павлович. Василий Павлович в отелях не живет, он, когда наведывается в эти края, обычно снимает в Таормине виллу (положение обязывает), но сюда часто заходит поесть. Меня он знает давно и относится ко мне с любопытством. А я, вместе со всеми русскими отдыхающими, знаю Василия Павловича. Хотя многие, подозреваю, думают, что «не может быть – просто похож».

– Сергей, – поприветствовал меня он, раскрывая окружающим мою национальную принадлежность. – Мне тебя бог послал. А может, наоборот – тебе кое-что послал. Ну-ка, слушай: а как насчет познакомиться с замечательной женщиной? Марианна Осинская.

– Что?

– То, то! – радостно похохотал он, приглаживая седые усы. – Слушай, мне бы надо ее встретить сегодня в аэропорту. В Катании, здесь рядом, не в Палермо. Но когда такая женщина… А у тебя же «мерседес». Белый! Как раз для нее. Все-таки первая Джульетта нашего кинематографа. Меньше ей по совести и не положено. Рад? Признайся, рад?

– Василий Павлович, а как я ее узнаю? Подозреваю, что ожидаю увидеть одно, а на деле это будет нечто другое. «Джульетта» была еще черно-белой картиной всё же. И давно.

Он погрустнел, покивал головой в капитанской фуражке:

– Да, дружочек ты мой. Именно вот так, нечто другое. Придет день, и ты будешь подходить к зеркалу, ожидая увидеть там одно – потому что ты-то будешь в душе твоей тот же, – а увидишь там… Не надо о грустном. Ну, табличку тебе написать для встречи?

Табличку я написал сам у стойки регистрации. И очень быстро, потому что выяснилось: выезжать в аэропорт надо было минут этак пять назад. Так что я спас Василия Павловича от серьезной суеты.

И она оказалась, конечно, совсем не такая, как я ожидал. Лицо ее как бы навсегда застыло с тех самых пор, когда она была Джульеттой, и глаза, по-заячьи уходящие к вискам, были тоже неподвижны и странны. Лицо ведь в наши дни можно сохранить себе на память, подумал я.

– Э-э… бон джорно? – проговорила она на всякий случай.

– Василий Павлович оказал мне громадную честь… – произнес я пароль.

Она держалась неуверенно, пока не увидела мой белый «мерседес». А устроившись в нем, вдохнула горячий кипарисовый воздух раздувающимися ноздрями и сделала мне предложение:

– А знаете ли что, если вам все равно, то – я летела сюда и мечтала искупаться сейчас, вот сейчас, немножко в другом месте. Фонтане Бьянке – вы о таком слышали? Может, мы туда сначала, знаете ли, быстро-быстро завернем?

Да какие пустяки. С учетом того факта, что в Таормину из Катании надо поворачивать напра-во и ехать километров пятьдесят. А в «фонтаны» вовсе даже налево, и они за Сиракузами, возле Аволы, на пути к Рагузе и игрушечному городку в горах – Ното. Быстро-быстро. Сто километров с лишним. Потом, на обратном пути, те самые сто с лишним и еще те самые пятьдесят.

Да она могла бы сказать – а знаете ли что, есть такой очаровательный бутик в Палермо, на том конце острова, двести пятьдесят километров в одну сторону, я хотела купить там резинку для волос – и я бы поехал.

А потом, сама дорога здесь – нескончаемый праздник. Ее такой делают итальянцы.

Это вот как выглядит: представьте, что вы плавно идете на запрещенных ста тридцати на своем «мерседесе», а вас с гневным гудком обгоняет и уносится вперед на ста шестидесяти местный житель на своем битом «фиате-пунто». Который на вид и ста не должен делать.

– Это же здесь, – уверенно показала она мне на неприметный левый поворот с шоссе, которое давно уже на шоссе было не похоже. – Здесь-здесь… Совсем близко.

А потом было «вот за поворотом тут стоял рыбный ресторан у моря со стеклянной верандой – не может быть, он есть! Да тут вообще ничего не меняется, какое счастье!».

Вообще-то для меня это стало открытием: у нас на острове есть, скрываются в зелени, вот такие как бы деревни? Да даже и целые городки из очень странных домиков – круглых: с закругленными крышами и перилами балконов. Все очень-очень простые, все немного старые и смешные. Но увитые бугенвилеями и виноградом, с разросшимися пальмами и множеством иных деревьев. Шестидесятые годы. Памятник. И какой-то умерший памятник – где люди?

– Всё как тогда, – заторможенно сказала великая женщина. И вдруг резко обернулась ко мне:

– Этот поселок вот так и стоит пустым большую часть года. Это виллы, не дома. Но с мая по сентябрь – всё гудит. А уж как тогда гудело… К нам приезжали они

все, Росселини, Джина как-то посетила, кто еще… Да Бернардо же! Бертолуччи, я имею в виду!

Вы можете сделать вечным лицо. Голос, к сожалению, пока не можете, он дрожит и вас предает.

– Идут себе вот по этой улице под ручку, в мятых штанах, что-то жуют на ходу – вот эти люди, с этими именами, – продолжала она, обращаясь как бы не ко мне. – Золотое кино, золотой век, и он был тогда здесь. Ах, вот сейчас направо, еще чуть-чуть…

Она, чуть споткнувшись, выбралась из машины. И замерла, подняв голову к наглухо забранным ставнями окнам повыше бетонного забора.

– Мы можем позвонить, сделать вид, что ошиблись, – подсказал я.

– Ах, нет, нет, а вдруг оттуда выйду – представьте, выйду я сама. Тогдашняя. Нет, давайте лучше… Вот отсюда я ходила каждый день к морю по этой тропинке. Я как раз тогда перестала быть женой Василия, э-э-э, Павловича, и мы с одним человеком сняли тут виллу на два месяца, а там, на берегу, были такие противные плоские камни. Но я же помню каждый из них и то, что за одним камнем песчаное дно, там не опасно.

У моря она строго на меня посмотрела:

– Ведь вы меня видели голой, как и многие-многие другие, на экране? Не отрицайте. Ну, и вот.

Этого нельзя было отрицать. Видел и помню.

Я так и сидел от нее метрах в пятнадцати на пустом берегу в конце пустой и безлюдной улицы, особо не отворачиваясь. И получал свой урок – что голая женщина может быть прекрасной всегда; впрочем, она постаралась оставаться ко мне спиной. Прекрасной спиной, с настоящей талией. Женщина у моря, чуть покачивающая бедрами, боящаяся оступиться: а ведь это красиво. Боже мой, ведь ей уже более шестидесяти лет.

И она, возможно, нашла бы купальник в своей сумке и в машине бы переоделась. Но делать этого не стала, и молодец.

Сохла на горячем ветру она недолго, и я думал, что дальше – наверное, все-таки в Таормину, а это очень жаль, но… Оставалось кое-что еще.

– А вы знаете, вон там за углом был магазин, – куда более спокойным, чем раньше, голосом сказала мне она. – И мы туда бегали за всем – за всем. Так вот, денег тогда ни у кого особых не имелось, а в магазине лежала такая колбаса. Вы не поверите, диаметром в полметра. А ведь мы все из СССР, у нас тогда была та, «любительская»… Точно такая. Но тут – полметра толщиной, и вкусная, вкусная! И вот представьте – огромным ножом этот усатый человек снимал лепесток заветрившегося края и отрезал нам…

Магазин, как ни странно, тоже был на месте, и в самом центре прилавка…

– Вот же она!!! – восхитилась великая женщина. – Она так и лежит! Вы видите? Вы видите?

– Это мортаделла, – сообщил я. – Еще бы ей не лежать. В нашем сельском магазине она тоже есть… А давайте попросим отрезать кусочек?

– Ах, мортаделла – теперь я знаю, как ее зовут, – чуть упрекнула меня она. – И – нет уж, пусть лежит. Я просто буду знать, что всё это есть. Да, ну а теперь…

Выходя из машины на площадке «Атлантиды», нависающей над морем, она чуть сухим голосом спросила меня:

– Вы уверены, что я вам ничего не должна?

– Только я вам, – усмехнулся я. – И вот что…

Я полез в сумку на заднем сиденье, вытащил оттуда бутылку изумительного просекко – оттенки чуть вяленных яблок и свежих абрикосов, послевкусие сушеных горных трав, очень деликатные пузырьки – и отдал ей со словами:

– От благодарной России. Обязательно надо охладить.

Она приняла бутылку как должное, мило улыбнувшись неподвижным лицом.

* * *

Это было только вчера, днем позже той самой истории – мигалки, вертолеты, странное вторжение в мое жилище, кровавые полотенца и всё прочее.

И я бы уже забыл эту загадочную историю так, как мы стараемся забыть две машины, врезавшиеся друг в друга на шоссе: металл, осколки, пластик, носилки с укрытым с головой телом у обочины – аккуратно притормозив, мы бросаем на этот ужас взгляд и проезжаем мимо. И выбрасываем всё это из памяти навсегда: нас не касается.

Но тут продолжение последовало менее чем через сутки. На закате воскресенья. Причем в таком месте, где вообще ничего, кроме хорошего, быть не может.

На нашем дворе.

Кантина, то есть винодельня, – она строилась не для войны, в щелях между камнями нет микроскопических частиц крови средневековых воинов, тут вам не замок Банфи в Тоскане. И всё же…

Здание построено примерно в 1830 году как зерновое хозяйство – сицилийское зерно тогда ценилось куда выше сицилийского вина. Но нравы на острове, наверное, были сложные. Построить зерновое хозяйство из четырех длинных двух-трехэтажных зданий под мощными черепичными крышами, вместе образующих замкнутый квадрат вокруг обширного двора, настоящую крепость? В Германии я бывал в таких винодельнях, но там сразу говорили, что это не то что «бывший» замок – он и сегодня именно шлосс и ничто другое.

Может, в те времена на Сицилии любили воровать зерно друг у друга, причем телегами? Или хозяева не очень верили, что мирное время – это надолго?

Винодельня как таковая прилеплена к этой крепости сзади, ее почти ниоткуда не видно, это сверхсовременное хозяйство с оборудованием какого-то двадцать второго века, с полным компьютерным контролем, сюда – посмотреть на это

чудо – привозят студентов, будущих виноделов, даже из Пьемонта и Милана. Здесь два погреба, для белого и красного; под белое идеально подошло старое зернохранилище, без всякого искусственного климата. С красным всё оказалось посложнее, без климат-контроля не обошлось.

Но так или иначе, для большинства из нас, местных, работа – это там, сзади (исключение – наша команда «гостеприимщиков», у нас работа везде). А во дворе у нас отдых.

Двор большой, от ворот не очень-то различишь выражение лица человека на том конце. И он вымощен тем, что от 1830-х осталось в неприкосновенности, – крупным булыжником, почти плитами, косыми, как морская волна; между этими камнями виднеется песок и прорастает тоненький вьюнок. А в дальнем конце двора раскинулось не просто дерево, а огромная и зловещая магнолия. В мае она покрывается громадными цветами и выглядит тогда даже не очень грустно.

Когда надо поговорить с кем-то всерьез – например, Альфредо им не вполне доволен, – то люди парочкой уходят к магнолии и сидят там на мощных облицовочных камнях, магнолию опоясывающих. Но это если тут не качаются наезжающие время от времени дети – на дереве каждая семья привешивает свои качели, а дети сами разбираются, когда и какие из них им больше нравятся.

Но когда надо просто поболтать (почитать, покурить и так далее), то для этого есть несколько стульев и скамеек в углу, под полностью увитой зеленым плющом стеной графской библиотеки, занимающей почти всю сторону крепостного квадрата, того, что обращен к склону вулкана.

Потрясающе уютный угол. И встретить здесь можно кого угодно. В конце концов, здесь одно из самых знаменитых в мире винных хозяйств, и гости бывают такие, что… Ну, полгода назад вот на этой самой скамеечке сидел Альфредо, а рядом с ним, представьте себе, Кристиан Муэкс, главный в легендарном и любимом новыми русскими шато Петрюс, «человек года» по версии «Декантера». Шапка потрясающих волос, изящные очки, пиджак поверх майки. На интервью с ним люди записываются за год. А тут – «посмотрите, Кристиан, это тот человек, который выносит нам с вами приговоры в своих колонках».

По идее, сцена должна была разыграться следующая: «кто же вы, светловолосый незнакомец?» – спрашивает меня человек-легенда. «Рокотофф!!!» – звучит грозный ответ. «Ах!» – говорит Муэкс, будто пораженный в самое сердце, и замертво падает со скамейки.

На самом деле всё было несколько по-другому. «Рокотофф», – сказал, конечно, я. «А!» – ответил хозяин прославленного шато и тонко улыбнулся.

Нет, он не повторил знаменитую ковбойскую шутку: «Рокотофф? Тот самый, вы говорите? Не может быть. Впервые слышу о таком». Но ситуация была та же самая. Ну не читает Муэкс мои колонки в португальских, немецких, голландских и прочих газетах и журналах. Он читает только то, что выходит на его лягушачьем языке, ну, на английском. А эти две языковые зоны без меня отлично обходятся.

Но потом, кажется, он все же вспомнил нечто – да, есть какой-то экс-русский винный критик, – и мы с ним с удовольствием поговорили минут десять, и вот вам очередная колонка. За которой даже не надо было идти дальше своего двора.

* * *

И вот сейчас я, еще не забывший о Таормине и море, только что сменивший льняные пляжные одежды на здешнюю летнюю униформу – брезентовые штаны, марлевую рубашку и спортивные туфли для ходьбы по виноградникам, вышел из своего домика подышать. Подышать, свернув целую гору почты, сделав для «Пьетро дель Куоре» обещанный к завтрашнему дню презентационный материал для каких-то китайцев-импортеров, сверив английский текст с полуангличанином Борисом, не способным писать в принципе… Кивнул Альфредо, который был на той стороне двора: всё готово.

Сел в одиночестве на скамеечку в тот самый угол под библиотекой. И задумался о судьбах цивилизаций. У немцев или испанцев я тоже бывал в похожих дворах, но, допустим, у немцев если то старина, то вылизанная до мелочей, кажется, даже подметающаяся каждый день. А здесь у нас живет неподдельное мягкое итальянское раздолбайство. Например, бочки, распиленные пополам и заполненные землей – для цветов: и пусть эти цветы растут как хотят, а если это вьюнок, то пусть взбирается куда желает. Или цвет, неповторимый цвет двора:

персиковые стены, а внутренние ворота и ставни – индиго. Но это они там персиковые, где их штукатурили, а вот здесь…

И я перевел взгляд на стену, под которой я сидел. На нее ведь можно смотреть бесконечно, как на море: древние кубические камни, между ними кирпичи странного вида (этакая мозаика, вделанная в старый седой цемент). И там же кирпичи более современные, галька – всё подряд, корявая, живая стена. Вдобавок начиненная металлом: вот кованые здоровенные крюки, кольца и скобы, хаотично торчащие из цемента, чуть ржавые, смысл их существования утерян. Но раз торчат, значит – пусть так и будет: это Италия. И еще тут над каждой индиговой дверью мини-окошки со старинными решетками – отстреливаться?

Наверное, я утомился за клавишами: у меня в голове раздались отзвуки тех, давних выстрелов – звенящих ударов по металлу – которые мне до сих пор иногда снятся. И еще холмы, слоновья трава, остро пахнущий ветер. И «хлоп-хлоп-хлоп» лопастей вертолетного пропеллера, как пару дней назад у трех сосен.

И тут, вздрогнув, я понял, что вертолет мне не снится. Этот звук шел эхом из ворот слева от меня.

И – принесенный ветерком чужой для этих мест запах. Запах авиационного керосина.

* * *

Я выскочил из своего угла и вынесся в арку под фасадом, глубиной метров в пятнадцать, перегороженную никогда не закрывающимися дубовыми воротами метра в четыре высотой.

Это был не сон: на том бугре, где раньше стояли уткнувшиеся друг в друга машины и мигали мигалки, сейчас сидел небольшой вертолет; какие-то люди шли сюда, к воротам, они уже близко. А чуть сзади них на дороге виднелись силуэты тех самых двух черных машин, как два носорога. Бампер прикрутили на место?

Я понял, что надо найти Альфредо, но от самых ворот обернулся и, из темноты арки, увидел нечто совсем странное.

Двое шествуют сюда – в черно-зеленом камуфляже (с кем война?). Но третий, третий… Он стоит на площадке у ворот, слева у него мой дом, перед носом – как раз ворота. А в руках… он что, подстригает у нас почти несуществующую траву?

Штанга, направленная под сорок пять градусов в землю. Проводочки, тянущиеся к наушникам.

Миноискатель? Миноискатель здесь – где никогда за последние столетия не было настоящей войны? В сердце Сицилии, на склоне Этны?

Я вернулся во двор, сделал пару шагов вправо, к скамейкам, – Альфредо или там, или под магнолией…

И эти двое ворвались, буквально наступая мне на пятки, и уверенно двинулись в центр двора.

То есть не так уж уверенно. Это был танец двух опасных зверей – они шли как бы на полусогнутых, походкой двух охотников в джунглях. Высокие ботинки на шнуровке (на Сицилии, в жарком сентябре!). Камуфляж со множеством карманов, перчатки без пальцев… я мгновенно оценил их экипировку – никакого автоматического оружия на виду, но очень много оттопыренных карманов… и витые прозрачные проводочки, тянущиеся к уху.

И сами, сами они. Это что – бронежилеты, или просто передо мной две горы мышц в пятнистом брезенте?

Тролли. Это же тролли из пещер.

Когда вот такое вламывается в ваш… в то место, где вы живете… не говорите, что это не страшно. Просто страх – такая штука, с которой каждый обращается по-разному.

А парочка уже прошла до середины двора (я оказался у них справа и почти сзади), приблизилась к магнолии.

И наткнулась на стоявшего под деревом Альфредо.

Альфредо – очень мягкий в обращении человек. Но как раз таких-то, с тихим голосом, и боятся, что подтвердит любой, работающий здесь, в кантине.

Каждый из троллей был на полголовы выше Альфредо. Они остановились от него в пяти метрах (классическая дистанция – вы можете попасть в человека, не целясь, а он не сможет в прыжке ударом ноги выбить у вас оружие из рук). Они замерли, чуть наклонившись вперед, в метре друг от друга, то есть чтобы не толкаться в случае чего локтями.

Альфредо, небольшой, аккуратный, в светлых льняных брюках и рубашке, замер перед ними, и казалось, что его ноги в замшевых туфлях… нет, он не принимал никаких боевых стоек. Это был просто человек, стоящий на своей земле, на старых камнях своего двора и никуда отсюда в данный момент не собирающийся идти.

Он что-то сказал им, я улавливал обрывки итальянских фраз в ответ, звук очень напряженных и неприятных голосов.

Альфредо приподнял светловолосую голову буквально на сантиметр, глядя на них в упор. И тихо произнес еще несколько слов, смысл которых мне, с моим уже окрепшим итальянским, был предельно ясен.

Двум троллям эти слова не понравились, оба синхронно изобразили очень характерное движение – какое? Угрожающий наклон корпуса? У меня не было времени подбирать тут слова.

Я сделал два шага влево, ближе к воротам. Чтобы тролли оказались почти между мной и Альфредо. И начал нести бред, громким, чуть скрипучим и гнусавым голосом – даже как бы чуть усталым:

– Вы находитесь на территории сельскохозяйственного предприятия федеральной провинции Катания, являющегося частной собственностью. Вы совершаете нарушение уголовного кодекса Итальянской Республики, статья двадцать восемь, пункты первый и второй. Перед вами законный владелец этой собственности, ясно и недвусмысленно выразивший свое отношение к вашему вторжению. Люди, которые сейчас находятся в галерее на втором этаже, только

что вызвали полицию. Время прибытия патрульной машины – от трех до десяти минут.

Нет, я говорил это не на итальянском. И даже не на английском – это был американский язык в полном великолепии. Пусть и с возможными ошибками.

Я не думаю, что тролли знали уголовный кодекс Итальянской Республики – я тоже его не знал, и статья двадцать восемь могла касаться чего угодно или вообще не существовать. Но я хорошо понимал, что эти двое сейчас ощущают.

Они ощущают, что оказались между двумя мужчинами, второго из которых в данный момент не видят.

Как и ожидалось, не оба, а только один тролль мягко повернулся ко мне, и они встали валетиком в середине двора, всё очень грамотно и сыгранно.

Но еще я знал, что им не понравилось мое сообщение о том, что на втором этаже – да вдобавок в «галерее», в Америке этим словом означают тир, – кто-то еще есть, и неважно, звонит ли этот кто-то в полицию или нет.

Просто если вы профессионал и оказываетесь ровно в середине пустого пространства, с четырех сторон окруженного каменными стенами, у которых есть окна второго этажа, и вдобавок между парой недружественных личностей, спереди и сзади, то кожа ваша должна чувствовать только одно.

Вы в невыгодном положении. Фактически вы в ловушке.

Альфредо просто стоял на том конце двора, чуть приподняв подбородок. Я тоже застыл на своем месте.

Один быстро сказал что-то углом рта в свой микрофон. Тот, что высился лицом к Альфредо, развернулся. Оба мягкой походкой, непрерывно обводя двор взглядами, прошли к воротам. И скрылись за ними.

Один внимательно посмотрел на меня.

Секунд через девяносто звук вертолетного мотора там, за воротами, изменился, а потом и растаял в небесной тишине. Два черных носорога также исчезли с нашего бугра.

* * *

Их запах тяжело повис в середине двора – нос Альфредо не хуже моего, он его как раз сейчас морщил: военный запах, пластик и металл, брезент, сапоги на шнурках, плохой одеколон – всё вместе.

Мы с Альфредо стояли рядышком и ждали, когда и запах тоже исчезнет.

– Тролли, – сказал он наконец, и мы вместе посмеялись: смотрим одни и те же фильмы.

– И откуда они, такие – северяне, или… – неуверенно добавил он.

– Вы не поняли, Альфредо? – удивился я. – Они, конечно, в каком-то смысле итальянцы. Этнические. Но не отсюда. Это американские итальянцы. Спецназ.

– И подумать только, что в середине сороковых тут возникло политическое движение за отделение Сицилии от Италии и превращение ее в американский штат, – с непередаваемым выражением сказал он после паузы. – Во времена сразу после Муссолини и так далее… Сложно всё было.

– А кто это придумал и возглавлял такое движение?

– Мой дед, – уронил он две льдышки.

Но тут до него что-то дошло.

– А откуда вы знаете? – быстро отреагировал он. – Про спецназ и прочее?

– Ну, – начал загибать пальцы я. – Шеи, здоровенные. Бритые головы с хохолком. Микрофоны в ушах. То, как они стояли. Как двигались вместе. Американский спецназ – это их подготовка. Но вся экипировка – классический случай частной

охранной структуры.

– Да?

– А иначе они бы так быстро не ушли. Их там, в Америке, много, этих частников. Есть целые армии. Творят что хотят по всему миру. Да вот хоть в Ираке.

– Так, так… – ему стало интересно, он повернулся ко мне. – Вы их, значит, узнаете по походке? И поэтому вы перешли на какую-то театральную версию английского?

– Техасскую или около того. Это язык, который они понимают.

Альфредо посмотрел на меня с еще большим интересом:

– И в таком случае что нам угрожало? Если бы дела пошли хуже? Или – что еще угрожает?

– А не так уж и много, – не очень уверенно начал я. – А в будущем и вовсе… Альфредо, вы ведь знаете, что живете в крепости? Она и сегодня – крепость. Допустим, в следующий раз мы ставим часового на холмике, под тремя соснами. Он видит приближение противника и звонит. И дежурный успевает закрыть вот эти дубовые ворота. А тогда – всё. Если они, конечно, не догадаются проникнуть во двор сзади, из цеха, через арку бывшего зернохранилища, там, где сейчас большая кухня, – но ее можно и забаррикадировать, это три минуты. А прочее – перед ними стены. Заряды от базук по таким стенам как бы расплескиваются. На окнах ставни или решетки, а это уменьшает вероятность от попадания снарядов внутрь комнат. Ну, а стрелковое оружие против этих стен…

Я пожал плечами.

– Вертолет, – подсказал Альфредо: ему, кажется, стало по-настоящему весело.

– А что – вертолет? Это же не боевой «Апач» или «Хоук». А что-то вроде «сикорского», «команч», что ли. Что там есть? Автоматическое оружие в кабине. Против тех же стен. Ну, не ракеты же – это как-то чересчур. Хотя неприятная штука… Вертолет можно использовать, чтобы высадить десант троллей,

человека три, в этот двор. Больше там, в кабине, не поместится. Но двор для посадки тесноват, можно задеть хвостом за стену и упасть. Значит, он зависает на уровне крыши, и эти ребята скользят вниз по канатам. Но пока он висит, мы его жжем.

– Мы – жжем – вертолет?

– Ну, Альфредо, – улыбнулся я. – Знаете, мне всегда была приятнее ваша граппа из шардонне, а вот та, что из неро д’авола, на мой вкус чересчур мягкая. Вот ее, из неро, мы и возьмем. А граппы здесь производится сколько угодно, лучше та, что еще не разбавлена до этих самых сорока трех градусов. А чистая, только с перегонки. И еще бензин из баков, машины – на стоянке. Если заранее подготовиться… Ну, тряпочка, скотч…

– Коктейль Молотова! – начал беззвучно смеяться он. – Браво!

– Две бутылки об кабину и винт вертолета, пока он висит. Из окна второго этажа. Вашего окна. И во дворе станет очень мусорно и грязно. По паре бутылок – на эти их черные бегемотины, если они окажутся достаточно близко от внешних окон. Ну, и не будем забывать о том, что ваш отец – охотник. Пара ружей в его комнатах найдется? Наконец, я как-то сомневаюсь, что даже самый лучший спецназ найдет и уничтожит все ближайшие маячки для мобильной связи. Не говоря о том, что деревни-то они от связи точно не отключат. Если не отсюда, то оттуда, услышав грохот, позвонят в полицию, и всего-то надо продержаться чуть-чуть до прихода нашего вертолета. О чем нападающие, конечно, будут иметь представление. Так что если быть готовыми заранее…

Альфредо засмеялся в голос. Он, кажется, обошел бы меня по периметру, склонив голову и внимательно рассматривая – но тут начали, наконец, показываться те, кто не оказался, как мы с Альфредо, во дворе, встречая гостей. Может, попросту вообще только сейчас узнали, что происходит непонятное.

Он еще хотел что-то мне сказать, но его окружили люди.

А я совершенно не спешил рассказывать ему об этой странной штуке – миноискателе у ворот.

Уомо!

И вдруг в мире вокруг стало очень пусто и грустно, мне нечего было в нем делать. Во дворе звучали возбужденные голоса, а я – чтобы не геройствовать на публике – уже выходил из ворот и поворачивал направо, к своему флигелю.

Под кромкой черепицы горела лампочка, освещая в незаметно спустившейся темноте вход, мои окна были, конечно, темны – кто их будет за меня зажигать? А у моих ног, там, где начинался плавный спуск в долину, лежали темная пустота и далекие огоньки, утопающие в ней.

Солнце давно ушло вправо и вниз, туда, где невидимое отсюда море и Таормина. Колокол в долине, очень далеко, уже отзвонил. Только сверчки еще звенели из сизой темноты с огоньками, высоко над которой висели подсвеченные лиловым перья облаков.

Победы всегда немножко вот такие. Обычно, чтобы отпраздновать их, большие и не очень, я задумчиво выкуриваю сигару на той самой скамеечке в углу двора. Все обитатели хозяйства знают в таких случаях, что у блондина Рокотоффа опять, наверное, день победы, можно подойти к нему и узнать, что он хорошего сделал себе и людям.

К этой скамеечке, обратно, я бы через некоторое время и пошел, но сейчас не было сигар, просто не было, кончились. Ближайшая отсюда из числа годных к употреблению – в табачном бутике в Палермо или, если повезет, – гораздо ближе, в одном хорошем отеле в Таормине-верхней. Причем купить их там можно будет не сегодня, конечно, а завтра.

Здесь так тихо, особенно если войти и закрыть за собой дверь. Джоззи нет, у нас с ней договоренность – я не лезу в ее домик (полторы минуты хода от моего) без крайней необходимости, типа пожара. Только она – в мой, когда захочет. А с ней это случается не каждый день. Так, наверное, лучше.

Я один, я у себя.

Но приходит Дони, бессловесная Дони из деревни внизу и справа (огни отсюда не видны), она у нас официантка и уборщица, и работа ее – самая защищенная в мире. Потому что попробуй кто обидь девушку, вся многочисленная родня которой живет вон там, за поворотом, в сельской глуши Сицилии. А бессловесная она потому, что не знает даже итальянского – только сицилийский диалект.

И приходит Дони, она несет мне сеттембрины – крошечные полевые сентябрьские цветы, нежное зелено-голубое облако. И сама ставит в вазу.

Это моя награда, Альфредо, наверное, им всем что-то такое сказал. Но больше сегодня наград не будет, будет ночь.

* * *

– Вы ведь мне расскажете когда-нибудь про свою прошлую жизнь, правда? – сказал мне на прощание Альфредо. – О том, кем вы были раньше? Подозреваю, что это интересно. Но не сегодня, не сегодня! Просто как-нибудь.

Рассказать Альфредо? Я от него не скрываюсь. Вот только интересно, что он поймет?

Ну да, сегодня я винный аналитик с европейским именем, в очередной раз с удовлетворением сказал я себе, стоя под горячей струей душа. А что происходило в моей прежней жизни? Ведь итальянцу, пожалуй, не объяснишь, что раньше были войны, которых как бы и не было, о них не следовало говорить где попало. Потом – 1991 год, август, у Белого дома. И 1993 год, октябрь, у того же Белого дома – тут для Альфредо надо, наверное, добавить «в Москве». И очень долго что-то ему объяснять.

Да ведь не только итальянцу – уже и нашим всё надо объяснять долго и подробно, а совсем юные и не поймут ничего. Потому что когда это было – я даже не про ту странную войну, а про девяносто третий год? У нас сейчас какой год – 2008-й. То есть, получается, пятнадцать лет назад. Пятнадцать! А ведь уже почти никто не поймет и не вспомнит.

Значит, раз ужин съеден и дело к полуночи, надо полежать с закрытыми глазами, сон придет мгновенно, но он не приходит – звучат голоса.

– Майор, а закурить дашь? Как тогда, на площади во Фрайбурге?

Это же Иван. А может, Шура. Я всегда их путал, потому что они – неразлучная пара. Хотя совсем не похожи. У Ивана такие неприятные, близко посаженные серые глаза. А который со сломанным носом, вдавленной переносицей – это Шура. Или наоборот? Не помню.

– А красненькое, которое ты тогда нам выдал из запасов главного командования, очень даже было ничего. Больше нет?

Это точно Шура. Или Иван?

– Ребята, где же я вам его сейчас найду? Я не в Германии. Я на Сицилии. Да приезжайте сюда – тут сокровища. Ах, какие красные. Да вот хоть Lu Patri – потрясающее неро д’авола, но из крошечного хозяйства, такое не только в России, но и в прочей Италии – разве что для коллекционеров. Ну, а я тут… Для вас – сделаю. Ребята, приезжайте.

– А денег нету, длинный шмель, – грустно говорит голос то ли Шуры, то ли Ивана. И добавляет что-то совсем несуразное: «Ты в кибитку не ходи».

– Какой еще, на фиг, длинный шмель? Какая кибитка?

– Ну и оторвался же ты от родной земли, товарищ майор. В интернете посмотри – там он, длинный шмель… Там… Просто набери его в поиске, и… Он там!

– Да что ж такое – вас ведь нет. Ребята, вы мне просто снитесь. Вы – прошлое.

Утром мне пришлось разбираться с бразильянками – напомню, в число моих подопечных по части «индустрии гостеприимства» входят все приезжающие, кто говорит на португальском и, конечно, на русском, плюс те условно англоязычные, кого на меня повесят. Так что мне предстояло встречать бразильянок в аэропорту – каком? Катании или всё же Палермо? И каким рейсом? Так или иначе, приезд их, как выяснилось, несколько откладывался.

Хотя даты и рейс уже определились.

А потом – потом мне стало интересно. Вот этот тролль, с миноискателем. Что он там делал? Искал нечто из металла? Но не мины же.

А почему именно там, перед главными воротами, точнее – между воротами и моим порогом?

Значит, так: они что-то знают, а что-то нет. То, что у меня были вечером гости и оставили кровавое полотенце, а заодно покопались в компьютере, – знают? Но тогда бы они не влезли во двор, а пошли бы вдобавок ко всему прочему прямиком ко мне в дом.

Но они знают, что кто-то примерно в этом месте у стены, левее ворот – оставил… Или мог оставить… Что-то металлическое. Настолько важное, что можно впереться в ворота частного хозяйства, да так, что хозяин взбесился и…

Но не будем забывать, что инцидент на дороге был почти ночью.

Допустим: они что-то видели, но не очень хорошо, потому что темно. А что видели?

Я сделал несколько сотен шагов влево от ворот и вверх, на гребень холма, к трем соснам имени Карабаса-Барабаса. Итак, вот тут, на обочине, еще валяются куски пластика и стекла. И отсюда видно – что? Весь фасад нашей крепости, справа от него автостоянка и часовня, слева – мой домик, за ним цепочкой идут прочие, но их не видно, они уходят за стену кантины.

А теперь представим себе: темно. Ночью у нас освещены ворота, но не углы здания. Есть фонарь на стоянке справа. А у моего порога – нет, тут только лампочка над входом. А она горела? Иногда бессловесная Дони такие лампочки зажигает, чтобы хозяевам было уютнее возвращаться домой, иногда что-то путает и не зажигает. Я и без нее знаю, где выключатель, но обхожусь без него. Мне ведь не надо даже возиться с замком, дверей здесь, как уже сказано, никто не запирает. Так что я сразу, на ощупь, зажигаю свет внутри.

А, вот теперь вспомнил. Моя лампочка тогда не горела. Только тусклый фонарь над главными воротами метрах в семидесяти от моего входа.

Итак, они стояли здесь, на этом пятачке дороги, не могли двинуться – врезавшись друг в друга. Но кто-то смотрел вправо и вперед и что-то видел. Видел плохо.

Я мысленно прочертил линию от трех сосен до того места, где водил миноискателем потный тролль, и задумчиво пошел по ней. Тут всё затоптано, да и кто я вообще такой, чтобы читать следы? Я своих-то не отличу от следов Джоззи.

– Эй, Серджио, в какой комнате будут жить бразильянки? Или у них две комнаты?

– Две, в правой и левой конюшнях…

Да, все ворота цвета индиго, выходящие во двор крепости, когда-то вели в конюшни. А сейчас там очаровательные двухэтажные комнаты, со старыми балками над головой, с сохранившимися и отреставрированными конюшенными окнами, с видом на долину и на черепичные крыши наших флигелей. И еще это комнаты с недавно встроенными каминами. Настоящими. С дровами. Как у меня и прочих обитателей домиков.

Итак, следы мне не помогут. Но в целом получается, допустим, что эти, из своих черных носорогов, видели, куда скрывается с места происшествия его виновник. Видели плохо, только общее направление – к воротам. А тот, кто убегал, скрывался, он, конечно, на свет попадать не спешил. И поэтому рванул левее, где темно, дернул ручку первой же – моей – двери… А зачем он вообще полез внутрь?

Тут я вспомнил кровавое полотенце – и второе, которое пропало. Он хотел, чтобы ему помогли. Потом посмотрел в мое зеркало на свои раны и понял, что справится сам. Нет хозяина – еще лучше.

Кстати, что за дикость – после перевязки лезть в чужой компьютер? Предположим, он тут прятался. Компьютер был включен. И вот этот человек ждал, пока полиция и все прочие уедут. Или, наоборот, пока приедут? Ведь

ребята из носорогов не самые приятные, как я убедился, персонажи, куда хуже полиции.

Итак, парень – если он парень – тут прятался. Потому что был уверен, что никто не видел, где он скрылся.

Да, но ведь из спальни, со второго этажа, ему была отлично видна дорога и то самое место – мигалки, люди… вот стоял бы и смотрел, не идет ли кто сюда. Если идет – можно пулей выскочить из дверей и бежать куда-то вокруг стены крепости.

Ну, а потом, в конце концов? Уехал, конечно. Или ушел? Стоп, да ведь я это… не видел, но слышал. Просто сразу не зафиксировал. Звук мотоцикла в ночи. Вниз и вправо, по той дороге, что ведет в черную долину. Полицейская машина за ним не гналась, но и не могла бы – она была одна, все полицейские были заняты на месте происшествия. Да они и вообще, возможно, не были тогда уверены, что всё случилось из-за мотоцикла. А гоняться за байками ночью по неосвещенной дороге…

Дальше – сплошные загадки. Вот этот мой неизвестный гость перестает убивать время – и уезжает. И при чем здесь поиски металлического предмета на площадке между моим домиком и воротами? Какого предмета? Почему тролли были так уверены, что этот предмет существует и что скорее всего он где-то именно здесь?

Они видели издалека и знали, что это. Не иголка. Что-то побольше. И важное.

На этом мой разум отказался функционировать дальше. Дайте мне какой-то факт, какой-то твердый предмет – металлический предмет. А без такового можно вообразить что угодно.

На этой самой площадке у нас куча всякого железа, лежит в открытую. Вообще-то здесь стоит под низким козырьком крыши общая стиральная машина (я открыл ее, покопался внутри, ничего). Тут же столбы, леска, сушится выстиранное. Железная бочка – в ней сухие ветки и трава, потом сожгут, вот я всё это выбрасываю, на дне ничего нет. Инструменты какие-то – загнутый ломик, топорик… чье, зачем? То самое итальянское раздолбайство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/master-chen/etna

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить